АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА М. П. АЛЕКСЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1963

М. П. АЛЕКСЕЕВ

«РОБИНЗОН КРУЗО» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Французский исследователь Поль Доттен в своей известной книге «Даниэль Дефо и его романы», переведенной и на английский язык, утверждает, что «Робинзон Крузо» якобы «очень поздно стал известен в славянских странах; единственный перевод опубликован был на исходе XVIII века: этот был перевод сербский (1799). Лишь в 1830 году появился перевод польский. Другие славянские страны узнали Робинзона только во второй половине XIX столетия; русский перевод был последним: он появился лишь в 1887 году в Одессе».[1]

Все ошибочно или неточно в этой краткой библиографической справке: во всех славянских странах «Робинзон», хотя и в сокращенных и несовершенных переводах, появился гораздо ранее, чем это представляется П. Доттену: первый перевод на сербохорватский язык издан был не в 1799, а в 1796 г., первый чешский — в 1797; первый болгарский — в 1849 (за которым последовали издания 1858 и 1869 гг.) [2] и т. д. Но особенно вопиющей является ошибка Доттена относительно русских переводов «Робинзона»: первый из них не только появился на 125 лет раньше, чем то, случайно обнаруженное им одесское издание 1887 г., — ничем, кстати сказать, не замечательное, — но и явился самым ранним переводом этого романа на славянские языки; количество же изданий «Робинзона» в разнообразных русских переводах уже до середины XIX столетия в несколько раз превзошло общее число его изданий на славянских языках вместе взятых.

Первым переводчиком романа на русский язык был Я. Трусов. Перевод его (правда, сделанный с французского сокращения) издан был в Петербурге в двух частях в 1762—1764 гг. и озаглавлен «Жизнь и приключения Робинзона Крузо, природного англичанина, соч. Д. Фое». Второе издание этого перевода появи-

---

[1] Paul Dottin. D. Defoe et ses romans, t. II. Robinson Crusoë. Etude historique et critique. Paris, 1924, стр. 452.

[2] Р. Русевъ. Робинзон Крузо. София, 1938, стр. 38.

лось в 1775 г., третье — в 1787, четвертое — в 1797, пятое — в 1814 г., хотя незадолго до этого последнего появился уже и новый перевод, Я. Лангена, сделанный с английского подлинника: «Жизнь и приключения Робинзона Крузо, им самим писанные» (СПб., 1811).[3]

Не подлежит сомнению, что в XVIII в. «Робинзон Крузо» много читался в России как в русском переводе, так и в различных западноевропейских сокращениях и переделках; уже в то время он стал у нас излюбленной книгой для юношества. М. Дмитриев в своих известных воспоминаниях «Мелочи из запаса моей памяти» прямо свидетельствует, что «Робинзон Крузо» находился «в каждой деревенской библиотеке».[4] О широкой известности этого произведения у русских читателей свидетельствует А. Х. Востоков.[5] В журнале Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789) мы находим извлечения из «Робинзона» Дефо и немецкой переделки 1779 г., сделанной И. Г. Кампе,[6] а в «Воспоминаниях» С. Н. Глинки есть рассказ о наставнике его юности, французе Леблане, который был страстным поклонником «Робинзона» (в частности, той же переделки Кампе) и с ранних лет прививал своему воспитаннику и его сверстникам любовь к этой знаменитой книге. «Видите ли, — говорил он, обращаясь к детям, — что может сделать один человек, употребляющий силы телесные и всю деятельность рассудка? Природа мертва, человек ее оживляет. Рука Робинзона преобразила остров, куда

---

[3] Более точные и подробные данные об этих изданиях «Робинзона» см.: В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ред. В. Н. Рогожина, ч. III. СПб., 1904, №№ 3988—3989 и 4055. — Сличение перевода Трусова с оригиналом, произведенное Е. П. Приваловой (см.: Е. П. Привалова. Робинзон Крузо в детской и педагогической литературе. «Книга детям», 1929, № 2—3, стр. 12—18), привело к заключению, что «мы имеем дело с сокращением романа, граничащим с переделкой», «с приспособлением романа к менее подготовленной аудитории, по всей вероятности детской» (стр. 15). Перевод Я. Трусова пользовался широким распространением у русских читателей; заглавие этой книги нередко встречается в старинных каталогах частных библиотек (Л. К. Ильинский. Библиотека И. М. Хвостова. К истории библиотек XVIII в. Сб. «Sertum bibliologicum», Пгр., 1922, стр. 352, 368).

[4] М. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 42.

[5] Вс. Срезневский. Из воспоминаний А. Х. Востокова о его детстве и юности. «Русская старина», 1899, март, стр. 662.

[6] Первое полное издание переделки Кампе в русском переводе (под заглавием «Новый Робинзон Крузе, служащий к увеселению и наставлению детей». Соч. Кампе. Перевод с немецкого Ф. Печерина. 2 части. М., 1792), переиздававшееся и впоследствии, осуществлено было Ф. П. Печериным, о чем он сам рассказал в своих воспоминаниях (Записки Федора Пантелеймоновича Печерина, 1737—1816. «Русская старина», 1891, декабрь, стр. 598). См. еще изданную десятилетием раньше книгу «Новый Робинзон Крузе, или Похождения славного аглинского мореходца» (переведено с немецкого. М., 1781).

занесла его буря. Этого мало. Силою расторопного ума он исторг из рук диких страдальца, которого они готовились поглотить. Где не светит луч рассудка, там цепенеет в одичалости и природа, и человек. . .»[7] Неудивительно, что когда двадцать с лишним лет спустя тот же С. Н. Глинка начал издавать журнал «Новое детское чтение» (1819—1824), то он открыл его именно «Робинзоном Крузо» в собственном сокращении и переработке для юных читателей.[8] Впрочем, еще в начале этого столетия отрывки из «Робинзона» появлялись и в русских журналах для взрослых (например, в журнале «Иппокрена» 1800 г.),[9] а имя одинокого жителя пустынного острова, затерянного в далеком океане, неоднократно упоминалось в книгах, статьях, дневниках, мемуарах и письмах этого времени. Таким образом, уже к самому началу XIX в. Робинзон как популярный литературный герой прочно вошел в сознание русских читателей всех возрастов в столицах и в провинциях.

В 1818 г. в журнале «Благонамеренный» помещена была статья о Робинзоне Крузо, основанная на французском источнике, в которой шла речь о причинах исключительной известности произведения Дефо и давалась подробная справка об его источниках и литературной истории. Здесь, в частности, писали: «„Робинзон Крузо“, которого любят читать и умные, и невежды, и молодые, и старые, и который один мог составить библиотеку Руссова „Эмиля“, откуда получил сию таинственную прелесть, нас привлекающую? Он описывает новую природу, которая, однако ж, представляется нам как бы в самом существе; образование, благосостояние, приобретенное человеком самим собою, мало походит на вымысел; но при всем том книга сия имеет заманчивость романа. Он не есть простое историческое повествование, но произведение гения изобретательного и образцового. Для всякого любопытно, кажется, знать историю столь достопримечательного творения».[10] Поэтому автор приводит сопоставления истории Робинзона с рассказами Селькирка в записи Стиля (впервые в русской литературе эти рассказы приведены были

---

[7] С. Н. Глинка. Записки. СПб., 1895, стр. 65.

[8] Н. В. Чехов. Очерки из истории русской детской литературы. В кн.: Материалы по истории русской детской литературы, вып. I. М., 1927, стр. 36, 103, 268, 274, 277, 286—287.

[9] В. Поляков. Робинзон на пустом острове. «Иппокрена, или Утехи любословия», 1800, кн. VII, стр. 319—320.

[10] Робинзон Крузе. «Благонамеренный», 1818, ч. III, июль, VII, стр. 62—69. — Статья заимствована из «Bibliothèque Britannique» и дана в переводе А. Н-й; в сокращении и без указания на французский оригинал перепечатана в кн.: В. В. Сиповский. Из истории русского романа и повести. (Материалы по библиографии, истории и теории русского романа). Ч. I. XVIII век. СПб., 1903, стр. 272—273.

уже Н. И. Новиковым) и с повествованиями Вильяма Демпьира («Новое путешествие вокруг света», 1697—1709), и поныне считающимися основными источниками Дефо.[11]

Имя Робинзона уже в те годы стало у нас нарицательным.[12] О широкой известности его свидетельствует, в частности, упоминание Робинзона в имевшей большой успех легкой сатирической комедии Н. И. Хмельницкого «Воздушные замки» (1818). Действующие лица этой пьесы погружены в мечтания, не имеющие никакой опоры в действительной жизни, а главный герой, отставной мичман Альнаскаров, все еще грезит об адмиральском чине, об открытии новых земель, о каком-нибудь острове, где он станет властелином:

Да чем же, боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островок,
Там, сделавшись царем. . . построю городок,
Займусь прожектами, народными делами,
Устрою гавани, наполню их судами —
И тут то я до вас, алжирцы, доберусь,
Смиритеся! Не то. . . пойду, вооружусь,
И вы познаете воителя десницу. . .[13]

В первой половине XIX столетия «Робинзона» читали у нас не только по-русски, но и на других языках[14] и во множестве изданий, однако по преимуществу во всевозможных сокращениях

[11] W. A. Secord. Studies in the narrative method of Defoe. Urbana, 1924.

[12] Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. Изд. 2. М., 1960, стр. 529.

[13] Отрывок из этой комедии (сцена X), с монологом Альнаскарова, из которого извлечена вышеприведенная цитата, появился в журнале «Благонамеренный» (1818, ч. III, № VII, стр. 95—96). См. также: Н. И. Хмельницкий, Сочинения, т. I, изд. А. Смирдина, СПб., 1849, стр. 367; И. Н. Игнатов. Театр и зрители, ч. I. М., 1916, стр. 158.

[14] «Детские книги меня совсем не интересовали, может быть потому, что они в то время были очень плохи и неинтересны, — вспоминает П. П. Семенов. — Была, впрочем, одна книга, составлявшая исключение: это был Робинзон Крузо, бывший у нас в трех различных изданиях, на разных языках» (Мемуары П. П. Семенова-Тян-Шанского, т. I, Детство и юность. 1827—1855. Пгр., 1917, стр. 138). Е. А. Сушкова свидетельствует, что одной из двух книг, бывших в ее распоряжении до шестнадцати лет, был «Robinson Crusoe» во французском изложении. (Екатерина Сушкова (Е. А. Хвостова). Записки. Л., 1928, стр. 75).

В личной библиотеке Пушкина сохранилось английское издание «Жизни и приключений Робинзона Крузо» (London, 1831, 2 vols), а также французский перевод романа в переводе Петрюса Бореля, с биографией Дефо и материалами, служащими к его пояснению, — историей Селькирка, трактатом авиньонского епископа Ла-Будри (Paris, 1836). См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 220, №№ 856 и 857. Второе из этих изданий Пушкин приобрел в том же 1836 г. (см.: Литературный архив. Материалы по истории литературного и общественного движения. М.—Л., 1938, стр. 41—42).

и приспособлениях, зачастую лишь именем героя напоминавших о подлинном романе Дефо. Аналогичная картина наблюдалась в то время и во многих других странах; в обращении читателей находились «Робинзоны» каких угодно профессий и национальностей, приключения которых развертывались на разных географических широтах, в разных концах света. Так, например, у нас были переведены: «Богемский Робинзон, или Удивительные приключения юного Трайгольда» (СПб., 1815), «Приключения молодого матроса на пустом острове, или Двенадцатилетний Робинзон» (М., 1823) — французская повесть Болье, «Новый Робинсон, или Швейцарское семейство, претерпевшее кораблекрушение» — немецкое сочинение Вейсса, переделанное Монтолье (СПб., 1833), и ряд других; наиболее же известная из обработок Дефо, принадлежащая перу немецкого педагога XVIII в. И. Г. Кампе, у нас выходила множество раз, во всевозможных переводах, вариациях и с разнообразными заглавиями: «Новый Робинзон, служащий к увеселению и наставлению детей» (М., 1819; перепечатка издания 1792 г.), «Робинзонова колония, продолжение Кампиева Робинзона» (М., 1811, 1844), «Приятная и полезная книга для детей, или Повествование о населении Робинзонова острова в Южной Америке, представленная в нравоучительных разговорах отца с детьми» (СПб., 1814), «Новейший детский Робинзон, или Любопытнейшие приключения Робинзона Крюзое. Рассказ отца своим детям» (М., 1839, 1849), «Подарок детям. Робинсон Крузе» (1845), «Сокращенный Робинзон (СПб., 1843, 1853), «Робинзон младший» (М., 1853) и т. д.[15]

В этом книжном потоке переводных «робинзонад» подлинный текст Дефо искажался до неузнаваемости и превращался в средство для всякого рода педагогических экспериментов или просто легкой наживы. Отличить подлинного Робинзона от мнимых становилось уже нелегким делом, а имя истинного творца романа вытеснялось бесчисленными его подражателями и забывалось вовсе. П. А. Плетнев в 1844 г. попытался было в «Современнике» в первый раз набросать историю русских переводов произведения Дефо, но не справился с этой задачей, настолько она оказалась уже запутанной в библиографическом отношении и столь затруднительно было достать все наиболее ранние русские издания «Робинзона», ставшие редкими от слишком частого чтения.[16] В те же годы Белинский не раз возвышал свой голос против не-

[15] Более полно все издания этих «Робинзонов» для юношества перечислены в библиографическом указателе: Материалы по истории русской детской литературы 1750—1855. Под ред. Д. К. Покровской и Н. В. Чехова. Вып. II. М., 1929, стр. 54, 55, 81 и др.

[16] П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. II, СПб., 1885, стр. 360—361.

прерывно появлявшихся у нас всевозможных «детских Робинзонов», с их «рыночными заглавиями» и примитивной житейской философией, против ловких литературных промышленников, изготовлявших эти ходкие компиляции, делавших выборки из текста Дефо по своему усмотрению и вкусу и перекраивавших его на всякие лады. Так, Белинский справедливо ополчился, например, против «Новейшего детского Робинзона» в издании 1839 г., подымая на смех «нравственную цель», которую поставил себе анонимный компилятор, и безграмотные картинки, приложенные к книге. «Под чистейшею нравственностью автор выборки разумеет наказание Робинзона за его величайшее преступление, состоявшее в беспокойном духе, который стремил его за моря. Не странно ли такое обвинение?. . . Нужно ли толковать, какую пользу принесли человечеству Куки, Лаперузы, Беринги и другие, и именно потому, что родились со страстью к мореплаванию? Что если бы нежные родители того или другого запретили путешествовать своему сыну? Чего бы тогда лишилась наука и человечество!. . Любовь и уважение к родителям, без всякого сомнения, есть чувство святое; но все должно быть в своих границах, и ничто ничему не должно мешать. Всякий человек обязан своим родителям; но в то же время он есть и сам себе цель, так что ограничить поприще его жизни только успокоением „нежных родителей" значило бы уничтожить его значение как существа разумного, самостоятельного и свободного, имеющего обязанности не только к родителям и к обществу, и к самому себе, — обязанности, не менее первых священные. Изволите видеть, Робинзон был наказан судьбою за то, что последовал своему внутреннему влечению, самою природою в него вложенному!» [17] Нетрудно видеть, во что превращался «Робинзон» Дефо в этой маленькой книжке, объемом в несколько десятков страниц в 16-ю долю листа; составитель этой «выборки» извлек из текста романа лишь несколько размышлений героя Дефо о важности послушания родителям, но освободил свою компиляцию от всего остального, того, что обеспечило роману Дефо бессмертную жизнь.

Белинский отозвался также и о «Робинзоне» в переделке Кампе и с полным правом утверждал, что подлинный роман во много раз лучше даже этой столь прославленной переделки: «Руссо был прав, видя столь важную для воспитания книгу в „Робинзоне" Даниэля Фоэ; а переводчик Кампе не совсем прав, отдавая предпочтение переведенной им книге перед „Робинзоном" английским. Вообще „Робинзон" Фоэ несравненно лучше „Робинзона" Кампе; последний состоит большею частью из пие-

[17] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. III, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 205.

тистических и резонерских разговоров отца, рассказывающего детям историю Робинзона. Эти разговоры для детей более способны произвести в детях скуку и отвращение к морали, чем быть для них наставительными. „Робинзон“ Фоэ большею частью наполнен рассказом, которого интереса и занимательности для детей ни с чем нельзя сравнить; рассуждениями он наскучает довольно редко. . .»[18] По поводу изданной у нас «книжки для детей» — «Сокращенный Робинзон» (СПб., 1843) Белинский отозвался уже с полным негодованием в «Отечественных записках»: «При двух полных переводах Робинзона — выдергать из них кое-что, сшить на живую нитку, без последовательности и даже смысла, изложить это плохим языком с орфографическими ошибками. . . помилуйте, что это такое? Смеетесь вы верно над нами, г. сократитель Робинзона?. . . Но если бы кто вздумал нам предлагать в сокращении романы В. Скотта или драмы Шекспира. . . согласитесь, что это была бы из рук вон плохая спекуляция».[19]

Эти отзывы Белинского сыграли не малую роль в истории русской детской литературы [20] и безусловно способствовали возбуждению интереса к «первоначальному и истинному», по его словам, «Робинзону» Дефо, к тому времени «вовсе затемненному». Однако Белинский был не вполне прав, утверждая, что к началу 40-х годов в русской литературе существовали уже «два полных перевода» романа Дефо, так как, строго говоря, ни самый ранний и столько раз переиздававшийся перевод Я. Трусова (1762), ни даже перевод П. А. Корсакова, выполненный почти столетие спустя (1842), не являлись еще полными и точными переводами его подлинного текста.

Задача дать русскому читателю такой перевод, сделанный заново по оригиналу и без всяких сокращений, хотя и представлялась настоятельной уже в начале 40-х годов XIX в., но была еще трудно осуществимой по разным причинам. Трудности для переводчиков представлял и язык оригинала, с его архаическими словами, специальными терминами, не объясненными еще в словарях, и устарелыми синтаксическими конструкциями; полный перевод «Робинзона» (особенно же второй его части)

---

[18] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XII, Л., 1926, стр. 414.

[19] Там же.

[20] И. Феоктистов. Свод мнений Белинского о детской литературе. Изд. 2. СПб., 1898, стр. 15—16. — Вслед за Белинским А. И. Герцен отвел роману Дефо почетное место в детском чтении. См. предисловие Герцена к изданной им в Лондоне в русском переводе книге Ж. Санд «Похождения Грибуля» (С. П. Шиллегодский. А. И. Герцен о чтении детей и юношества. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 196, 1959, стр. 145).

вызывал также опасения цензурного характера; в тексте встречались, например, неблагоприятные отзывы о русском царе, о русской политической ссылке; для обоих частей предвиделись некоторые затруднения также и со стороны русской духовной цензуры, усматривавшей опасность на тех страницах, где Робинзон проповедует основы протестантского вероучения, опасного — диссидентского — толка и, как казалось тогда духовным цензорам, впадает при этом в явное религиозное вольнодумство. Во всяком случае, со всеми этими трудностями пришлось встретиться и П. А. Корсакову, издавшему первый «полный» в русском переводе текст «Робинзона Крузо» Дефо в двух больших томах (ч. I, СПб., 1842, 502 стр.; ч. II, СПб., 1843, 423 стр.). Это издание встречено было в русской печати единодушными похвалами; действительно, для своего времени оно отличалось известными достоинствами: П. А. Корсаков хорошо знал английский и голландский языки и не в первый раз выступал на поприще переводчика; [21] он стремился к полноте и точности передачи английского текста; это издание резко противостояло всем переделкам и адаптациям «Робинзона», так как не ставило перед собой никаких особых педагогических и дидактических целей. Хотя П. А. Плетнев и писал в своей рецензии на перевод Корсакова: «Он передал нам с подлинника того Робинзона, который для всех наций остался неподражаемым совершенством простоты, истины и занимательности в повествовательном роде для детского чтения»,[22] но на самом деле перевод этот вовсе и не предназначался для детей; Корсаков сохранил, например, все те эпизоды романа, которые всегда казались предосудительными с педагогической точки зрения и обычно выбрасывались в изданиях «Робинзона», предназначавшихся для юношества: «резня» на Мадагаскаре, возникшая из-за легкомысленного поведения английского матроса с мальгашской девушкой, длинные рассуждения о брачной жизни колонистов, описания колониального режима

[21] Существовало, однако, подозрение, что П. А. Корсаков переводил «Робинзона» не сам, но с посторонней помощью. В. Р. Зотов в своих записках прямо утверждает, что, испытывая материальные затруднения, Корсаков «давал свое имя разным книгопродавческим, хотя и полезным предприятиям, как переводы „Робинзона Крузо“ Дефо (1843) и «Воспоминания слепого» Араго (1844). Эти переводы только редактировались Корсаковым, а работали над ними другие лица. Перевод „Робинзона“ с английского подлинника был даже и хорошим делом, так как в то время вышел другой, с немецкой переделки Кампе. А между тем этот второй перевод, принадлежащий Межевичу, в скором времени достиг третьего издания (1842, 1846, 1859), тогда как лучший перевод Корсакова не имел успеха» (В. Р. Зотов. Петербург в сороковых годах. Выдержки из автобиографических заметок. «Исторический вестник», 1890, № 2, стр. 333).

[22] «Современник», 1844, т. 34, стр. 196; перепечатано в кн.: П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. II, стр. 444.

и т. д. Весьма сочувственно отозвался о переводе Корсакова петербургский английский журнал, похваливший переводчика за умелое выполнение нелегкой задачи, за полноту и достаточную точность перевода, в котором встречаются лишь некоторые и не очень многочисленные погрешности.[23] На самом деле перевод этот был далек от совершенства. П. А. Корсаков был не только профессиональным переводчиком, но и цензором иностранных переводов Петербургского цензурного комитета и, может быть, именно поэтому с неуклонной последовательностью устранил из текста все, что казалось ему неудобным и опасным для русской книги того времени; в отдельных случаях его опасения попасть в неловкое положение как чиновника цензурного ведомства, по-видимому, были даже чрезмерными, а допущенные им исключения из текста оказались слишком длинными; чтобы вовсе обезопасить себя, Корсаков кое-где добавил и собственные примечания к тексту, предупредительного или критического характера. Так, например, он осудил размышления Дефо о гражданском браке колонистов, заметив, что «здесь проглядывается не католик, а пуританин» (II, 167), и в другой раз подчеркнул: «. . . здесь опять проглядывает автор — ревностный протестант, воспитанный в духе своего верования . . .» (II, 192); нечего и говорить, что все повествование о путешествии Робинзона по России сильно сокращено, и, несмотря на это, примечания переводчика именно на этих страницах становятся особенно частыми: «не забудем, что Даниил Дефо родился в XVII столетии»; роман «не иначе мог быть написан как под влиянием старых предрассудков о России»; «едва ли автор здесь прав»; «Дефо был хороший романист, но плохой политик» (II, 339); «избавляем себя и читателей от буквального перевода и чтения тарабарщины» (II, 348); «еще закостенелый предрассудок» (II, 397) и т. д.

Таким образом, хотя перевод П. А. Корсакова и не может быть назван «полным» в точном смысле этого слова, он все же являлся наиболее близким к оригиналу из всех существовавших до него русских переводов «Робинзона» и играл немалую роль среди русских читателей в течение нескольких десятилетий. Впечатление, произведенное этим изданием, подкреплялось характеристиками Дефо и его произведениями, появлявшимися

---

[23] Russian translation of Robinson Crusoe. «St. Petersburg English Review», 1842, vol. III, № 3, стр. 193—206. — Отметим еще в этом же журнале большую статью «Daniel de Foe» (1842, vol. III, стр. 222—238), в которой также идет речь о распространенных в России переделках «Робинзона» и о переводе П. А. Корсакова, сделанном «непосредственно с оригинала» (стр. 238). О Д. Дефо и его «Робинзоне» см. также в статье: О. Ф. Миллер. Английская литература XVIII в. «Журнал Министерства народного просвещения», 1860, ч. CVIII, кн. 10, стр. 34—37.

в русской печати тех лет. В большой реферативной статье, написанной по поводу вышедшего в Петербурге на английском языке учебного пособия Томаса Шоу «Очерк английской литературы», И. И. Введенский писал о Дефо, что он «почитается первым по времени великим романистом в прозе», а его «Робинсон Крузо» — «первым романом»: «Без сомнения, это один из совершеннейших, истинно гениальных и в высокой степени оригинальных вымыслов, какие только встречаются в древней и новейшей литературе. Он переведен на все европейские языки, и почти везде дают его в руки маленьким читателям. Жадность, с какою в детском возрасте пробегаются страницы этого романа, непреложное постоянство, с каким его главные сцены, события и характеры врезываются в детскую память, препятствуют обыкновенно в зрелом возрасте еще раз обратиться к этой книге и подвергнуть строгому критическому суду увлекательный вымысел, приводивший нас в восторг в раннюю эпоху жизни. Но нет сомнения, Робинсон в состоянии выдержать самую строгую критику, почтенное имя Дефо всегда будет произноситься с благодарностию и уважением».[24] Следуя за книгой Шоу, И. И. Введенский вновь поднимал вопрос о соотношении «вымысла» Дефо и «простого, незатейливого рассказа Александра Селькирка» и давал подробную характеристику второй части «Робинзона».[25] С оживлением интереса к подлинному тексту романа Дефо в России в конце 40-х годов следует связать ссылку на него в одном из ранних рассказов Тургенева «Контора», вошедших затем в цикл «Записок охотника»: «Я подошел к шалашу, заглянул под соломенный намет и увидел старика до того дряхлого, что мне тотчас же вспомнился тот умирающий козел, которого Робинзон нашел в одной из пещер своего острова».[26]

---

[24] Очерк английской литературы. Сочинения Томаса Ша (sic). «Библиотека для чтения», 1847, т. LXXXIII, отд. V, стр. 45. — Эта статья не имеет подписи, но И. И. Введенский сам указал на свое авторство (см.: «Колосья», 1884, № 11, стр. 258).

[25] Там же, стр. 46. — Книга Т. Шоу, которую реферировал И. И. Введенский (Thomas B. Shaw. Outlines of the English Literature, for the use of the Imperial Lyceum. St. Petersburg, 1847), включает в себя довольно полную характеристику Дефо и его произведений (стр. 342—349).

[26] Рассказ И. С. Тургенева «Контора» впервые напечатан в «Современнике» (1847, т. V, кн. 10). Эпизод, на который ссылается Тургенев, в русском издании «Робинзона» П. А. Корсакова иллюстрирован запоминающейся картинкой французского гравера Гранвилля. Ранее на Робинзона ссылался Лермонтов в «Герое нашего времени» («Княжна Мери»), рассказывая про «московского франта» Раевича: «А что за толстая трость: точно у Робинзона Крузое!» Но эта ссылка не ведет нас к подлинному тексту романа Дефо, у которого Робинзон носит «не трость, а сделанный им самим зонтик» (Лермонтов, Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, т. VI, стр. 265 и 668).

Конечно, следующие русские издания различных переделок и обработок «Робинзона» для читателей разных возрастов и уровня продолжали появляться и дальше, и в этом была своя необходимость. Между «Робинзоном Крузо», как он был написан Дефо для английских читателей первой четверти XVIII в., и тем, который стал популярнейшей детской книгой во всем мире, не могло не существовать весьма значительных различий. Сокращения и переделки были нужны и продолжали у нас издаваться, но делались они по новым принципам, с большим педагогическим и литературным тактом, с бережностью и вниманием к оригиналу.

Любопытно, что даже Белинский, осуждавший заурядных и неумелых компиляторов «Робинзона», сам замышлял пересказать его приключения по-своему («. . . хочу. . . составить историю Робинзона Крузое», — писал он А. А. Краевскому в апреле 1841 г.). Впоследствии новый пересказ романа, озаглавленный «Робинзон», помещен был Л. Н. Толстым в его педагогическом журнале «Ясная Поляна» (1862, № 2, стр. 5—85).[27] П. А. Плетнев, получив «Ясную Поляну» с пересказом «Робинзона Крузо», 20 марта 1862 г. писал Л. Н. Толстому: «Лишь только я развернул сегодняшнюю к нам посылку, дети наши бросились

[27] Этот пересказ, вероятно, сделан не самим Л. Н. Толстым, но по его поручению студентом Сердобольским (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, юбил. изд., т. 8, М., 1936, стр. 630); тем не менее переиздавался он неоднократно с именем Толстого, в последний раз — в 1938 г. (Робинзон. Обработка под ред. Л. Н. Толстого. Изд. «Молодая гвардия», М., 1933). Отметим, кстати, что интерес этому изданию придают опубликованные здесь шесть рисунков Д. Н. Кардовского из более обширного цикла акварелей к «Робинзону Крузо» Дефо, выполненных этим художником в 1922 г.; рисунками Д. Н. Кардовского иллюстрирована также книга «Жизнь и странные небывалые приключения Робинзона Крузо» (переработка под ред. К. Чуковского. Детгиз, М., 1934). Хотя эта обработка и была названа тогда же «одним из лучших вариантов Робинзонады» («Детская и юношеская литература», изд. Критико-библиографического института, 1934, № 1, стр. 7—8), но на самом деле она не заслуживала таких похвал. При переиздании этого текста еще в 1883 г. он получил следующую оценку в «Обзоре детской литературы» В. М. Гаршина и А. Я. Герда (вып. 1, СПб., 1885): «Благодаря простому народному языку книжка эта легко и с удовольствием может быть прочитана детьми лет десяти, но впечатления серьезного не оставит. . . Настоящая идея и образ этого человека, бодрого и неутомимого в труде и несчастии, как-то теряется в рассказе Толстого и ставит его ниже других переделок темы Дефо». Известно также, что и сам Л. Н. Толстой был недоволен книгой и лучшей признавал обработку Н. Блинова «Жизнь Робинзона (В чем счастье)» (1872); в русской же педагогической критике 70—80-х годов более удачными признавались переработки А. Яхонтова (1872) и особенно А. Аннинской (1874). Подробнее о них см.: Е. П. Привалова. «Робинзон Крузо» в детской и педагогической литературе. «Книга детям», 1929, № 2—3, стр. 17—18; М. А. Рыбникова. Классики в детском чтении в прошлом и настоящем. В ее кн.: Избранные труды, М., 1958, стр. 547—552.

на маленькую книжку и, увидевши в оглавлении „Робинзон“, тотчас стали его читать. Я и жена моя слушали чтение. Этот способ рассказа привел всех нас в восхищение. По особенному пристрастию к судьбе Робинзона, меньший сын мой, которому едва исполнилось восемь лет, собрал для себя и прочитал всех „Робинзонов“, каких только удалось купить нам. Читая Вашего, он сознался, что понятнее и интереснее его он ничего еще не читал».[28] Множество других пересказов, сокращений и переделок «Робинзона» появлялось у нас и значительно позже, так как необходимость подобных изданий для читателей разных возрастов, для школьных и домашних библиотек, ощущалось всегда.[29] Едва ли можно сомневаться также и в том, что подобные, постоянно обновляющиеся в соответствии с запросами времени «сокращения» и «обработки» прославленного романа будут появляться и впредь.

Одной из характерных особенностей большинства переделок «Робинзона» начиная со второй половины XIX в. была гораздо более тесная, чем прежде, связь их с первоначальным подлинным текстом Дефо, постепенно, но все прочнее утверждавшимся в своих авторских правах. Чаще восстанавливалось теперь в очередных пересказах и адаптациях «Робинзона» имя его действительного создателя, ранее нередко опускавшееся вовсе, ближе к подлиннику стояли и тексты самых этих пересказов и переделок.[30] Известную роль сыграло при этом то, что в указанное время довольно широко развернулось изучение личности и творчества Дефо, открывшее возможности для нового углубленного истолкования его романа как литературного памятника определенной среды и эпохи. Поэтому сколь ни тесно связаны были в это время

---

[28] Толстой. 1850—1860. Материалы и статьи, ред. В. И. Срезневского. Л., 1927, стр. 25. Об отношении Л. Н. Толстого к Дефо и его роману см. в кн.: Э. П. Зиннер. Творчество Л. Н. Толстого и английская реалистическая литература конца XIX и начала XX столетия. Иркутск, 1961, стр. 24—25.

[29] Ю. Обнинская. «Робинзон Крузо» в чтении деревенских ребят. «Книга детям», 1929, № 2—3, стр. 18—21; Ф. Этин, Н. Медведева, И. Печерская и М. Смирнова. Литературные переделки «Робинзона Крузо». «Детская и юношеская литература», 1934, № 8, стр. стр. 11—18; Е. П. Брандис. «Робинзон Крузо» Д. Дефо. В кн.: Детская литература. Пособие для педагогических училищ. М., 1957, стр. 42—49.

[30] В русской педагогической литературе о «Робинзоне Крузо» не отмечали еще те переделки романа — в том числе и на иностранных языках, — которые приняты были в русских школах в качестве учебных пособий. В 60-х годах прошлого столетия в гимназиях, в числе популярных пособий по английскому языку, находилась книга «Defoe's Robinson Crusoe, arranged in reading lessons». В предшествующие десятилетия адаптированный «Робинзон» служил также материалом для школьных тем «по русскому языку и словесности». См.: Д. Н. Соловьев. Пятидесятилетие С.-Петербургской первой гимназии. 1830—1880. СПб., 1880, стр. 291, 336.

«обработки» и «сокращения» «Робинзона» с его основным подлинным текстом, но полные переводы последнего продолжали в русской литературе свою обособленную жизнь.

Среди весьма многочисленных переизданий «Робинзона Крузо», в старых и несовершенных переводах, вышедших у нас в конце XIX в., обратил на себя внимание новый перевод обеих частей романа, выполненный П. Кончаловским (чч. 1—2, М., 1888—1889); он издавался потом еще три раза (2-е изд., 1897, 3-е изд., 1899; 4-е изд., 1904) и имел длительный успех. Значение этого перевода определялось тем, что он заменил предшествующее издание «полного» текста П. А. Корсакова, к тому времени устарелое по языку и примитивной переводческой технике. Критика приветствовала появление перевода П. Кончаловского потому, что он пытался заново дать русскому читателю полный текст романа Дефо. «Кто не знает Робинзона, кто не зачитывался в детстве и ранней юности этой удивительной книгой? А между тем, много ли найдется между нашими современниками людей, которые читали подлинного Робинзона в том виде, как вышел он из-под пера своего автора?» — писал один из рецензентов этого издания и продолжал: «Переделки и подражания заслонили оригинал: все мы знаем тему Дефо, но лишь немногие знают, как он сам эту тему обработал. . . Только теперь, благодаря добросовестному труду Кончаловского, мы получаем новый перевод настоящего Робинзона. Нет сомнения, что этот перевод прочтется всеми с большим интересом, всякому из нас любопытно проверить свои прежние впечатления и, познакомившись с этим родоначальником бесчисленных робинзонад, попытаться отдать отчет о причинах необыкновенной популярности и распространенности Робинзона».[31]

Изданный П. Кончаловским текст полнее, чем предыдущие «полные» русские издания; переводчик восстановил многие пропуски, делавшиеся ранее, произвел кое-какие уточнения в передаче отдельных мест романа, удачнее и ближе к оригиналу воспроизвел, например, морскую терминологию, с умыслом употреблявшуюся Дефо в его произведении, и т. д. Но все же и этот перевод нельзя считать ни полным, ни удачным в стилистическом отношении. В ряде случаев Кончаловский прибегал к пересказу вместо перевода, чтобы, по-видимому, избежать длиннот и повторений, действительно встречающихся в оригинале. Во многих местах Кончаловский не понял текста и перевел его ошибочно или неточно, в других — ввел в самый текст перевода собственные к нему пояснения; еще существеннее, однако, то, что и он, вероятно, принужден был сделать в своем переводе про-

[31] «Северный вестник», 1888, № 11, стр. 214.

пуски из цензурных соображений или вследствие прямого цензурного вмешательства. Так, и на этот раз оказался сильно сокращенным весь «сибирский эпизод» во второй части «Робинзона», исчезли многие упреки Дефо по адресу русского царя и администрации, не восстановленные ни в одном из последующих переизданий этого перевода.

В начале текущего столетия издан был еще один «полный перевод» «Робинзона», сделанный двумя популярными и опытными переводчицами того времени — М. А. Шишмаревой и З. Н. Журавской (изд. «Народная польза», СПб., 1902). В этом издании также даны обе части романа, но так как и на этот раз этот перевод предназначен был для самых широких кругов читателей, точность и полнота передачи подлинника принесены были в жертву популяризаторским и дидактическим задачам издания: из перевода исчезли некоторые рискованные места и слова, исключены подробности, казавшиеся несущественными или малоинтересными, и вновь кое-где вольный пересказ заменил перевод; наконец, и эта книга, которая должна была быть допущенной в ученические библиотеки и рекомендована для чтения школьникам, испытала на себе действие тогдашнего цензурного устава. Тем не менее литературные достоинства этого перевода были очевидными, так как над ним трудились опытные переводчицы, обладавшие хорошей переводческой техникой и сумевшие творчески воспользоваться кое-какими удачными результатами своих предшественников по передаче этой книги на русском языке. Все это обеспечило данному переводу еще большее долголетие, чем то, которым пользовались лучшие русские переводы «Робинзона» прежнего времени.

Перевод М. А. Шишмаревой и З. Н. Журавской лег в основу большинства советских изданий «Робинзона Крузо». Он был заново сверен с оригиналом и отредактирован таким мастером советского переводческого искусства, каким был покойный А. А. Франковский; начиная с 1931 г. этот текст воспроизводился много раз в полном виде и в сокращениях. Отметим, однако, что и он не являлся полным. Хотя А. А. Франковский улучшил перевод М. А. Шишмаревой и З. Н. Журавской и восстановил некоторые из опущенных ими мест, но одновременно с этим он и сам допустил довольно многочисленные сознательные исключения из полного текста. «В переводе произведены некоторые сокращения, очень небольшие в первой части и более значительные во второй, — писал он в предисловии от редактора к изданию 1931 г. — Дефо делает многочисленные отступления, преимущественно в виде богословских рассуждений в пуританском духе; это нравилось тогдашней лондонской публике, но современных читателей можно избавить от утомительных повторений.

В еще большей степени это касается второй части». Для того времени А. А. Франковский был в значительной степени прав. Задача его как редактора заключалась прежде всего в том, чтобы дать массам советских читателей по возможности полный текст романа Дефо, освобожденный от цензурных изъятий дореволюционной поры и ошибок прежних его перелагателей и сократителей, — то просто неискусных, то злонамеренных и реакционных литераторов, вытравлявших из книги весь ее просветительский колорит. Эта задача была тем более важной, что в первые два десятилетия после Октябрьской социалистической революции интерес к «Робинзону Крузо» возобновился с новой силой; тогда появилось свыше тридцати новых изданий романа на одном русском языке, общим тиражом свыше полумиллиона экземпляров, среди них 5 изданий для детей младшего возраста и 13 — для юношества; помимо того, именно в эти десятилетия впервые возникли, на основе русских переводов, многочисленные издания «Робинзона» на языках народов СССР — адыгейском, абхазском, ингушском, молдавском, татарском, марийском, чеченском и др. Для многих из этих изданий перевод, редактированный А. А. Франковским, служил образцом и источником для переводов и переизданий всякого рода, и в этом смысле его «неполнота» играла скорее положительную, чем отрицательную роль. Этот перевод сыграл не малую роль для популяризации подлинного романа Дефо среди советских читателей, способствовал его широкому распространению на многих языках в тексте, приближенном к оригиналу во всем, что является в нем наиболее важным и существенным.[32]

Тем не менее освоение советской литературой памятника такого универсального исторического значения, каким является подлинный «Робинзон Крузо» Дефо, не может еще считаться законченным. По-прежнему, даже с еще большей силой, возникает необходимость дать советскому читателю наших дней, культурные запросы которого очень выросли, новое издание действительно полного текста романа, без всяких изъятий и пропусков, из каких бы соображений они не делались, но с такими пояснениями, которые позволили бы верно, со всей полнотой понять эту историческую книгу, которая не боится времени.

---

[32] В 1959 г. в новом издании романа Дефо в переводе М. А. Шишмаревой (Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо. . . Гослитиздат) приняты во внимание редакторские поправки А. А. Франковского и восстановлены все опущенные им или переводчицей места; этот текст в настоящее время является наиболее полным и воспроизводит первую часть романа Дефо в неизмененном виде; к сожалению, вторая часть в исправленном и дополненном переводе переиздана не была.